

МОЛЧИ
НЕ И
ОГЛЯДЫВАЙСЯ

ВИТА МАРЬИНА

Вита Марьина

Молчи и не оглядывайся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73423168

SelfPub; 2026

Аннотация

Возвращаясь в родной город, я не рассчитывала оставаться в нём надолго, даже после встречи со своей первой любовью. Однако в Мезени творится что-то необъяснимое: то болезни, то пожары, а следом за ними – внезапная зима. Мне начинает казаться, что это не просто череда неудач. Загадочный мужчина, неизвестный в городе, где все друг друга знают, подтверждает мои подозрения. Зачем он приехал сюда, куда не летают самолёты, не доезжают поезда, и нет никаких достопримечательностей? Неужели в Мезени и правда происходит что-то необычное? За чем охотится этот человек? Я уже ни в чём не могу быть уверена, кроме одного: какая-то сила следит за нами, и я не уеду, пока не встречу с ней лицом к лицу.

Содержание

ГЛАВА 1. ИЗ МОСКВЫ ДОМОЙ	4
ГЛАВА 2. МЕСТО ВСТРЕЧИ ‘ФИМАСИМА’	18
ГЛАВА 3. МОЛИТВА ОТЦА ФЕОДОРА	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вита Марьина

Молчи и не оглядывайся

Эта книга была написана за полторы недели. Мне очень хотелось написать что-то интересное, но в то же время очень простое и соответствующее всем клише романтических фэнтези, для моей подруги на день рождения. Писала это исключительно для хихонек-хахонек, но неожиданно для самой себя решила везде опубликовать, потому что, хотя эту работу и не стоит воспринимать всерьёз, я очень ей горжусь :))

– Вита М.

ГЛАВА 1. ИЗ МОСКВЫ ДОМОЙ

Если ты оказался у Двоедушника на пути, беги, не оглядываясь, и ни в коем случае с ним не говори. А коль скоро обернешься на него да заговоришь, в тот же миг ты погубишь душу свою, и станешь как он и, а может и хуже, и будешь вечно ты скитаться по лесам, ища, как бы утолить непомерную жажду свою.

Это я запомнила с детства хорошо, потому как бабушка часто мне о нем рассказывала. Конечно, в моей родной Мезени были и другие пугалки для непослушных детей, но бабушка всегда рассказывала мне именно об этом непонятном

Двоедушнике, и я так боялась, что подолгу не могла уснуть и успокаивалась только когда ранний рассвет тёплой летней ночи наконец заглядывал ко мне в окно. Спустя годы даже это я вспоминала с теплотой. Думаю, это довольно естественно – через время помнить только хорошее, особенно если речь идет о доме. Я знаю, что многие мои ровесники не разделяли тоску по родным местам, но сама я, даже уехав, никак не могла перестать испытывать чувство неглубокой, но очень эмоциональной ностальгии.

Теперь же, когда я наконец возвращалась, глядя в замерзший иллюминатор узкого самолёта Москва – Архангельск, я думала только о том, что лучше бы я навсегда забыла Мезень, потому что приехать туда по такому случаю было ещё больнее, чем не приезжать вообще.

Бабушка ушла из жизни быстро и очень неожиданно. Не могу сказать, что она была достаточно стара или больна для смерти, наоборот, всегда была бодра и в хорошем настроении. Она вела даже более активную жизнь, чем я: много путешествовала на машине, с которой отлично справлялась в свои семьдесят четыре года, достаточно легко осваивала технологии и вообще жила свои лучшие пенсионные годы. Мы часто созванивались, и она не раз признавалась, что сейчас происходит лучшее время в её жизни. Теперь, когда её не стало, я много думала о том, было ли всё это правдой. Действительно ли у неё всё было хорошо или она что-то от меня скрывала? Теперь я никогда не могла это узнать.

Мама со мной не поехала. У них вообще были странные отношения. Я точно знала, что они любили друг друга, но и прекрасно понимала, почему они не общались: обо мне бабушка заботилась так, как никогда не заботилась о маме. Думаю, это было просто от незнания, а когда родилась я, опыт уже имелся. Но может быть, дело и в том, что с возрастом люди становятся сентиментальнее. Я не осуждала маму, хотя и не понимала её. Я думала о том, хотела ли сама бабушка, чтобы она приехала, и каждый раз мне казалось, что хотела. В мамино положение я, конечно, старалась войти – как-никак через месяц у неё была запланирована свадьба, а жениться в Москве, даже если это не сезон, всегда было невероятно сложно и затратно. Всё же, она отправила со мной приличную сумму денег на достойные похороны. Она откладывала их как раз на подобный случай, и в итоге я согласилась с тем, что такого жеста уважения будет достаточно.

Дорога до Мезени была недолгая, но очень утомительная. Казалось бы, два часа из Москвы до Архангельска, из него часик Арктическими авиалиниями до Лешуконского, название которого никто из моих знакомых не мог выговорить с первого раза, и уже оттуда на такси ещё два с половиной часа. Вроде бы не так уж и много, однако уже на прилете в Лешуконское я была выжата, как лимон. Раньше в Мезень летали прямые рейсы из Архангельска, и они были последним, что связывало меня и маму с этим местом. С тех пор, как наш аэропорт закрылся, мама больше ни разу не приезжала.

Я же старалась ездить хотя бы раз в год, но реалистично получалось раз в полтора.

Выходя из старого двухэтажного аэропорта в Лешуконском, я сразу увидела вдалеке человека с табличкой 'Алиса Новик'. Легкая улыбка тронула мои губы: хоть что-то в этом мире оставалось неизбежным.

Я подошла к полному, улыбающемуся во все двадцать девять зубов мужичку. Вавля никогда не менялся, и это каждый мой приезд радовало меня всё сильнее. Он был невысок и по комплекции походил на немного недоваренный пельмень. Улыбка делала его щеки ещё шире, а глаза – ещё уже.

– Ань торова, Алиса! С каждой годой ты всё прекраснее! – мы с Вавлей крепко обнялись и пошли к его машине. Она, как и сам Вавля, не менялась так давно, что ездить на ней каждый раз становилось всё страшнее. Но я хотела, чтобы меня забрал старый друг.

Вавлик, как его называли в области, был ненцем и по-русски говорил понятно, но безграмотно. Он мог бы легко научиться, потому как был очень умелым и смекалистым, но просто не хотел. Ему, видите ли, так больше нравилось.

– Ты надолго к нам, ня? – спросил Вавлик, загрузив мой небольшой чемодан в багажник. У меня на коленях стоял ещё рюкзак, который выглядел весьма внушительно, будто был с половину меня.

– Я думала на пару недель, – ответила я вовлеченно, хотя и чувствовала себя немного абстрагированной от проис-

ходящего.

– Э-эй, это разве время! – Вавлик махнул рукой, когда мы уже отъехали от Лешуконского и въезжали в бескрайнюю тундру. – Однако раньше ты много приезжала! Когда летом, когда белые ночи, хоть на хаер бы смотрела, а так, почти всё время ночь уже, эх!

– Возможно, я и задержусь, – успокаивала я его с большим сомнением, потому что в Москве меня ждали дела, и если заочная учеба не сильно препятствовала мне остаться здесь подольше, то работа всё-таки тянула назад. Да и честно, я не была уверена, что интернета в Мезени будет достаточно для моих онлайн лекций. – Хоть снег увижу, а то, думаю, в Москве его и под Новый Год не будет.

Два часа пустой дороги очень воодушевили меня, и где-то в середине поездки я даже немного поспала. В самолётах у меня этого сделать не получалось, а подъём был очень ранним. Но чем ближе я была в городу, тем сильнее ощущался мой внутренний мандраж, и даже сквозь сон я чувствовала его нарастание. Незадолго до приезда я окончательно взбодрилась и с большим интересом рассматривала окрестности. Вокруг города была достаточно обширная лесистая местность, что было очень необычно для нашей области, но это всегда мне очень нравилось: я чувствовала себя особенной и как будто защищенной лесной стеной от других людей.

Когда мы въехали в город, моё сердце на секунду замерло. Не только от того, что я вернулась домой, но и потому что

теперь осознание смерти бабушки стало куда более ясным. Когда я была далеко, я, конечно, скорбела, но большое расстояние притупляло печаль. Я не была в отчаянии: несмотря на тёплые отношения, мы никогда не были достаточно близки. Однако, воспоминания о бабушке у меня всегда оставались самые светлые, и сейчас, когда я уже была в Мезени, они начали ощущаться тоскливо и болезненно.

Вавлик остановился напротив старенького, но ухоженно-го двухэтажного дома. Я расплатилась с ним, но он принял только половину суммы и поехал, как он сказал, по важным делам. Скорее всего, это означало поездку на рынок к своей подруге Еле.

Пока мы ехали, уже стемнело. Темень стояла такая глухая, что тусклый свет из окон дома ощущался просто кусками света в бездне, которые никак не помогали ориентироваться. Снега пока было очень мало, и он совершенно ничего не отражал. На нашей улице сломался фонарь. Наощупь я достала из внутреннего кармана дубленки телефон и включила фонарик. Только с ним я смогла дойти до подъезда и зайти в дом.

Ключи от бабушкиной квартиры у меня были, но дверь была не заперта. В этом доме все друг друга знали, и потому я не сильно об этом беспокоилась. Всё же я проверила все шкафы и под кроватями в комнатах для надежности. Всё здесь было как всегда. Квартира была уютной и чистой, и хотя в ней пахло старостью, и ремонт уже давно был не актуа-

лен, я чувствовала себя очень комфортно.

Я прошла по комнатам, разглядывая вещи. Помимо похорон я хотела разобраться с имуществом, которое бабушка завещала маме и мне. Что-то я планировала просто выкинуть, но я надеялась найти что-нибудь особенно ценное, что напоминало бы мне о детстве, проведенном вместе.

На деревянном шифоньере во всю стену гостиной стояли книги, вязанные игрушки и фотографии. Там была маленькая мама со значком октябрёнка, была их с папой свадьба, была я-дошкольница, и даже недалеко стояла фотография молодой бабушки. Я остановилась около неё. Мы были совсем не похожи. В отражении шифоньера я увидела свои кудрявые каштановые волосы, длинный нос и в меру пухлые губы. Даже глаза у нас отличались: у бабушки были глубокие и тёмные, а у меня – голубые.

Я не могла сдержать чувств, и тихие спокойные слезы неспешно поползли по моим щекам. Я скучала по бабушке. Конечно, я знала, что легко буду жить без неё, и всё же хотелось с ней. После того, как я впервые переночевала бы в этом доме одна, мне предстояло пойти в больницу. В Мезени не было морга, но и люди здесь умирали нечасто. Бабушка лежала в хирургическом отделении уже два дня, но соседи предупредили врачей о том, что я приеду.

Больше мне думать об этом не хотелось. Хотелось только поскорее принять душ и завалиться спать, что я благополучно и сделала.

Последние годы мне плохо спалось. В старшей школе я засыпала мгновенно, как только голова касалась подушки, но в студенческом ритме жизни, ещё и совмещая с работой, в моей голове всегда роилось столько мыслей и планов, что я теряла покой.

Когда я гостила у бабушки, выезжая из душного города в относительно чистый и прохладный воздух, конечно, мне спалось лучше. Хотя были и нюансы, например, Двоедушник, которого я боялась так, что иногда и вовсе не смыкала глаз, а если и получалось ненадолго задремать, то яркие резкие сны всё равно выдергивали меня из покоя. Мне вообще часто снились неприятные сны. Не могу сказать, что они были кошмарными, иногда они вообще меня не пугали, но часто я просыпалась со сводящим чувством глубокого напряжения где-то в руках и в горле.

Когда я проснулась в бабушкиной квартире теперь, липкое ощущение тревоги, как и всегда, было рядом. За окном уже было светло, что во время приближения полярной ночи значило, что я безбожно проспала и опоздала.

К моей радости, которая была в пределах допустимого в сложившейся ситуации, врачи тоже меня помнили. В Мезень практически не приезжали туристы, не селились новые люди и почти никто не возвращался. Меня же всегда ждали и

потому делали поблажки. Администратор, чье имя я к своему стыду забыла, на просьбу увидеть бабушку, сочувственно кивнула и помахала кому-то за моей спиной.

– Перескоков! Проводи девушку в хирургию, к Новиковой.

Знакомая фамилия заставила моё сердце пропустить удар. Я обернулась так резко, что пришлось сделать шаг вперед, предотвращая падение. Поспешная неловкость, должно быть, руководила и Перескоковым, потому что мы столкнулись, больно ударившись носами друг об друга.

– Алиса! – его голос был радостным и смущенным одновременно. – Ради Бога, извини!

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусировать взгляд на человеке, взволнованно стоявшем передо мной. Это был Миша. Мой горячо любимый друг Миша!

– Ничего себе! – изумилась я громко и сразу же осеклась, услышав, как администратор недовольно цокнула. Миша поспешил увести меня в коридоры, к хирургическому отделению. – Перескок, ты уже работаешь? Я думала, тебе ещё год учиться! А ты уже этот, как его... Ну как в сериале...

– Интерн, – подсказал мне Миша и мягко улыбнулся. Я была чересчур воодушевлена, хотя и старалась сдерживаться. Просто я была настроена на тяжелый день в тишине и одиночестве, но с самого утра встретила человека, с которым прошла очень многое. Интересно, думалось мне, часто ли он меня вспоминал? Скучал ли по мне? – Я рад тебя видеть,

Алиса. Если я могу тебе чем-нибудь помочь в этом... Ну, во всём этом, смело обращайся.

Я не знала, чем конкретно можно было мне помочь, но была согласна на всё. Решать сложные взрослые вопросы я умела, но мне не хотелось нести этот крест в одиночку.

– Спасибо, – растерянно сказала я, подходя к тяжелой двери. За ней должна была лежать моя бабушка. Я глубоко вздохнула.

– Я подожду тебя здесь, – сказал Миша, – когда выйдешь, если будешь в состоянии, я могу помочь тебе оформить бумаги для похорон.

Я ничего не ответила, только кивнула ему с благодарностью и вошла в комнату. Это была отдельная маленькая комнатка с очень холодным воздухом. Бабушка лежала посреди неё на белом столе. Она выглядела совершенно спокойной, и мне даже казалось, что она слегка улыбается. Глядя на неё, я чувствовала, что она ни о чем не жалела. Мне казалось, что она была готова и приняла свой конец спокойно. Мне сказали, она умерла во сне. Что ж, тем лучше. Никаких страданий. Просто ты есть, а на утро тебя уже нет. Я была рада за бабушку, ведь ей повезло даже в смерти.

Когда я вышла обратно в коридор, Миша ждал меня, облокотившись на стену. Увидев меня, он вскинул рыжие брови и выпрямился.

– Ну как оно? – спросил он просто. Я подошла к нему и прислонилась к стене рядом.

– Странно, – просто ответила я. – Мне грустно, но и легко. Мне кажется, бабушка жила отличную жизнь. Думаю, это главное.

– И правда, – Миша потёр шею и поправил овальные очки. – Всё равно соболезнаю. Ты как, готова заняться бюрократией?

Я умела работать с бумагами: жизнь меня вынудила. Но сейчас в моей голове не умещались сложные слова, и мне хотелось всё упрощать. Основной задачей интерна Перескока, как оказалось, было просиживание штанов за бесконечными отчетами и упорядочением медицинских карт. Не удивительно было, что ему была приятна любая компания. Поэтому, когда мы сидели в кабинете администрации, и Миша печатал необходимые мне документы, он особенно воодушевленно поддерживал разговор.

– Я не видел тебя с позапрошлого года, – сказал он беззлобно, – всё дела, да?

– Да, наверное, – в целом, это не было неправдой. В Москве я действительно совмещала работу с учебой, но по большому счету, если честно, ничем не занималась. После школы я сразу поступила на заочку, чтобы пойти работать, и, сменив три кофейни как бариста, два косметических магазина как консультант и даже немного побыв визажистом, я наконец остановилась на скучной, но стабильной работе. – Я сейчас вообще в СММ пошла. Это, конечно, не предел моих мечтаний, но... Платят в целом неплохо, да и общаются

уважительно. Я там единственный зумер!

– Это здорово! – Миша всегда это говорил, когда вовлекался в активное слушание. – Но а что тогда предел?

– Что-то?

– Мечтаний. Ты сказала, что сейчас твоя работа это не предел мечтаний. А что же тогда?

Вопрос не поставил меня в тупик, но мне не хотелось говорить на эту тему долго, и я замешкалась. Когда я говорила об этом, чувствовала, что не состоялась, и мои московские надежды не оправдались. А это означало, что, возможно, я зря уехала из Мезени.

– Я бы хотела быть телерепортером, – я отмахнулась, словно это было не так важно, но сердце, услышав сокровенные слова, всё равно взволнованно ёкнуло. – На каком-нибудь, ну знаешь, интересном канале. Типа на криминальном там, или на спортивном...

– Звучит в целом выполнимо, – Миша пожал плечами и принялся проставлять печати на листах. – Может, надо речь немного подтянуть, и все дороги, как это говорится, открыты.

– Я чисто разговариваю, – возразила я и постаралась дерзко ухмыльнуться, – просто близким мне нечего доказывать.

Перескок поднял на меня тёмно-карие глаза, и от линзы его очков отскочил солнечный зайчик, который тут же исчез, когда Миша в меру удивленно покачал головой.

– А разве мы ещё близки? – спросил он всё так же по-

доброму и, усмехнувшись, протянул мне бумаги и ручку. — Распишись вот тут, вот тут и ещё вот здесь.

Я расписалась, где он показал, молча. Сложила все документы в ровную стопочку и посмотрела на него, стараясь выглядеть загадочной.

– А разве ты не хочешь?

Как же нелепо, должно быть, это выглядело со стороны! Моя тушь, как выяснилось позже, потекла, когда глаза слезились от холода, а волосы на макушке были наэлектризованы и непривлекательно спутаны. А моя челка! Ни о какой укладке, конечно, речи не шло, и потому она торчала вперед, словно козырек от кепки. Но самым нелепым было то, что Миша мне не нравился, и мои попытки быть кокетливой и загадочной были ничем иным, как просто развлечением от скуки, потому как Перескок смешно смущался.

– Хочу, – вдруг неожиданно уверенно ответил он. – Я заканчиваю в шесть. Встречу тебя у твоего подъезда и сходим выпить кофе, если ты не возражаешь.

Я была потрясена и заинтригована. Кажется, я много чего пропустила, пока отсутствовала.

– Что? – тупо переспросила я, хлопая глазами.

– У нас год назад открылась очень достойная кофейня. Там теперь почти вся молодежь тусуется и всякие деловые дамы.

– Да.. Давай, да, хорошо, – ответила я, словно пугливая школьница. Твёрдость Миши застала меня врасплох, и я ни-

как не могла ему отказать. Да и как можно отказать человеку, который был моим, не побоюсь этого слова, замечательным бывшим?

ГЛАВА 2. МЕСТО ВСТРЕЧИ ‘ФИМАСИМА’

Чего я точно не ожидала от холодного ноябрьского вечера в Мезени, куда я вообще-то приехала проститься с бабушкой, так это свидания. Вернее, свиданием это, конечно, никто не называл, да и пожалуй это было бы неуместно и даже бестактно, но я не могла перестать об этом думать.

До нашей с Перескоком встречи было ещё несколько часов, за которые я должна была успеть сходить в ритуальное агентство, заглянуть к местному священнику и обсудить с нотариусом вопрос наследства. А после всего этого ещё нужно было вернуться домой и подобрать что-то более-менее нарядное на вечер. Я не собиралась задерживаться здесь надолго, хотя обратные билеты ещё не брала, и потому мой гардероб состоял всего из одних джинс, двух свитеров, трех футболок и одних подштанников.

Осознание собственной непривлекательности сопровождало меня, пока я безвольно тарасилась в распахнутый скрипучий шкаф с пыльными платьями бабушкиной юности. Она всегда оставалась в хорошей форме, хотя, конечно, уже и не могла носить свои советские наряды с прежним комфортом, вещи хранились в этой квартире десятилетиями. Что-то из этого носила моя мама, что-то даже успе-

ла надеть я. Хотя я и не разделяла интерес моих ровесников к советской эстетике, платья действительно были симпатичными, и мне было нетрудно выбрать из них что-то, что подчеркнуло бы мою миловидность.

Серо-голубая юбка тёплого шерстяного платья возилась по мокрому от уличной грязи полу, когда до выхода оставалось всего пять минут, а я решила, что мои дутые грязно-коричневые сапоги никак не подойдут к получившемуся образу. Сапоги в этой квартире оказалось найти сложнее. Я точно знала, что у бабушки была красивая и тёплая обувь, но ни у двери, ни в шкафу прихожей я её не находила. Так что, наприседавшись к не оправдавшей ожиданий обувнице, я переключилась на коробки, надменно поглядывающие на меня сверху шкафа. Достать их, просто протянув руки, я даже не стала пытаться: мой рост быть, что называется, метр с кепкой, и потому унижаться было заведомо провально и вообще бессмысленно.

Я сбила две коробки металлической ложкой для обуви в надежде, что передо мной упадет несколько пар утонченных сапог, но вместо этого со шкафа на меня обрушилось всякое мелкое барахло, украшенное комками тёмной пыли и ароматом отдаленно напоминающее что-то очень давно заплесневевшее. Теперь по всему коридору был разбросан мелкий хлам и пара потёртых книг. Одна из них успела привлечь моё внимание кожаной обложкой и, вроде бы, золотой надписью, но времени на негодования и уборку уже не было: я уже на-

чинала немного опаздывать. Шустро впрыгнув в свои сапоги, я спешно выбежала из квартиры, уже по дороге заталкивая шарф под тяжелое пальто.

Бежать по лестнице я не рискнула: ещё не дай Бог подвернула бы ногу и непременно бы взмокла, суетясь в слоях одежды в помещении. Так сильно беспокоясь о своем внешнем виде, я всё никак не могла перестать думать о Перескоке. Это было бы и странно, не думать о человеке, с которым провел столько лет вместе. Мы были друзьями ещё со школы, и по сей день я любила его той же трепетной и тёплой любовью, какая обычно складывается у друзей, проживших вместе жизнь и ставших ближе, чем родня. Всё же было бы глупо отрицать, что мои мысли занимало только лишь это. Целых три долгих года мы встречались. Причем не просто встречались: Миша стал моей первой любовью. Из песни, как ни крути, слов не выкинешь, и после разрыва между нами, конечно, появилась неловкая недосказанность, хотя мы и сумели остаться друзьями.

В этом всецело была заслуга Миши. В нашей паре именно он обладал достаточным количеством эмоциональной компетенции, чтобы говорить о сложных вещах мягко. На самом деле, он вообще был очень хорошим человеком, хотя именно я решила его бросить. Он был добрым и вежливым, ненавязчивым и почти всегда заботился о моём комфорте в отношениях. Была только одна загвоздка: с такими парнями обычно только дружат. Меня тянуло к нему сильнее, когда он

был мне просто добрым другом, чем когда пытался казаться мужчиной. Он был лишен харизмы, не был романтиком, а слова его звучали скорее как заученные правильные ответы, будто скрипт, на который он ориентировался, утешая меня, проявляя восхищение или даже конфликтуя. Всё же он был замечательным человеком. Когда я была его девушкой, мне было по-настоящему хорошо и спокойно, но в то же время невообразимо, неопишимо скучно. Как не было никаких киношных драм, так не было и громких красивых жестов. Миша куда больше походил на робота, чем на страстного любовника, но всё же он оставался моей первой любовью, а такое, как известно, не забывается.

– Прости, что задержалась, – отдышавшись, сказала я, подходя к Мише. Он, как мы и договаривались, уже ждал меня у подъезда.

– Да ладно, – он отмахнулся и повел меня к набережной, – дело обыденное. Ты всегда опаздывала, это не так уж страшно.

– Это да, – кивнула я, опустив глаза вниз. Я слышала в этих словах упрек, хотя и знала, что моих друзей уже давно перестала раздражать моя несобранность. – Как ты вообще? Ну, то есть, как у тебя всё в жизни, я поняла, но просто типа, как дела? Как ты себя чувствуешь?

Мне было трудно задать конкретный вопрос. Было очень интересно узнать, чем Миша жил сейчас, и каким он стал человеком, но я не понимала, что же такого мне нужно было

спросить, чтобы он стал не только расспрашивать обо мне, но и глубже делиться о своей жизни.

– Да нормально, – Перескок пожал плечами. – Не жалуясь. Не знаю, всё в порядке. Работа моя мне нравится, а так, из интересного... Ну вот, на гитаре учусь играть.

– Да что ты! – от радостного изумления я даже немного подпрыгнула. Мы уже шли по тихой набережной, и люди, прогуливавшиеся там же, покосились на меня. Должно быть, и голос у меня стал слишком громким. Ну вот любила я музыкантов и не смогла с собой совладать. – Я тоже ведь играю, помнишь? На гитаре, и вот ещё теперь на барабанах немножго!

– А поёшь?

– Да, но пока не практикуюсь, – я пожала плечами. Миша всегда говорил, что я здорово пела, и это было правдой, но не могу сказать, что была талантлива. У меня точно была к этому предрасположенность, с которой я, однако, мало что делала со средней школы. – Хочу подкопить на нормального репетитора.

– Понятно, – шаблонно ответил Перескок и остановился напротив кирпичного одноэтажного дома, из окон которого слышалась приятная ненавязчивая музыка. – Мы пришли.

Я оглядела здание. Оно было просто одним из семи таких же, стоящих шеренгой вдоль реки. Все эти дома были либо сувенирными лавками, либо барахолками, был одноэтажный торговый центр и даже дом культуры. Было две приятных

столовых, куда мы обычно заходили после школы. Теперь же на одном из таких домов светилась расписная табличка 'Фимасима'.

– 'Фимасима'? – спросила я с непониманием. – Не уж то это те самые Сима-Фимки?

Сима-Фимками мы называли одну особенно раздражающую парочку в старшей школе. Они были на пару лет старше нас и вели себя так, словно учились не в единственной мезенской школе, а в каком-нибудь американском кампусе. Фима и Сима расставались каждые две недели, громко ссорились и показушно сходились. Они любили драму, но, повзрослев, ко всеобщему удивлению смогли сохранить отношения и даже сделать их более-менее здоровыми.

– Те, те, – Миша придержал мне дверь, и мы вошли. – Фимка, конечно, пытался устраивать всякие темки, но тут в кои то веки упертость Симы их спасла. Так что да, теперь у них своя кафешка.

– Выглядит, как идеальное место для эстетик-инфлюенсеров, – мы уселись за небольшой столик у входа: остальные места были заняты. Конечно, от уличной слякоти здесь было грязновато, но всё же светлая и мягкая обстановка вокруг, добрая музыка и узорные ковры обеспечивали по-настоящему тёплый и уютный антураж.

– Да ты что! – Миша издал громкий смешок. – В Мезени нет никаких инфлюенсеров! Тут в основном сидят школьники. Ну и мы, привилегированный рабочий класс.

– Зашибись привилегия! – и я не сдержала смешка.

Бесконтактного заказа здесь, конечно же, не было, зато были знакомые мне официанты. В основном это были ребята, окончившие школу на несколько лет позже, и потому я узнавала их, но они меня – уже нет. Пока я силилась узнавать лица окружающих, к нам чуть вразвалку подошла коренастая дамочка. Я даже не сразу узнала в ней Симу, ведь в моей памяти, когда мы с ней виделись в последний раз, она была эффектной желто крашенной блондинкой и графичными чёрными бровями в неизменно облегающих джинсах с подворотами. Но это было давно. Сейчас же Сима стояла передо мной совершенно естественной. Без тонны макияжа и бесформенных паленых футболок она была значительно красивее.

– Сима! – я от удивления раскрыла рот. Она тоже не сразу меня узнала и вопросительно взглянула на Мишу.

– Это Алиса, – подсказал он. – Новик. Которая училась со мной и Ленкой.

Я видела, как в голове Симы шел сложный аналитический и почти безуспешный процесс. Наконец она с узнаванием кивнула и искренне мне улыбнулась.

– Точно! – я почувствовала от её тона какое-то очень тёплое гостеприимство. – Слушай, какими судьбами? Я тебя со школы не видела!

– Я приезжала иногда, – я словно оправдывалась, хотя никто на меня не нападал. – Но как-то никогда не пересекалась

с тобой.

– Да, мы с Фимой пытались покорять большие города, – она махнула рукой, а затем положила её на живот, и только в тот момент я заметила, что она была беременна. Внимание на этом я из вежливости решила не акцентировать. – Жили в Питере где-то чуть меньше пары лет, но там ничего не получилось. И вот год назад вернулись. Здорово, что и ты вернулась. Давай мы тебя угостим!

Я даже не успела возразить, что вообще-то возвращаться не собиралась, но громкий голос Симы застал меня врасплох, и я лишь пробулькала что-то себе под нос. Она ушла, не приняв Мишин заказ, и ему пришлось кричать ей вслед. Всё же, подобный жест вежливости очень расположил меня к этому месту.

– Вот это тут, конечно, перемены, – вновь осмотревшись, я взглянула на Мишу и столкнулась с ним взглядом. Он смотрел на меня с мягкой полуулыбкой, но от такого внимания мне стало немного не по себе. – А где Ленка-то кстати? Я писала ей, что приеду. Она сказала, что ждет, но я нигде её пока не видела.

Ленка была моей лучшей подругой с начальной школы. Расстояние, конечно, отдалило нас, но только по началу. Мы всегда жили на одной лестничной клетке в соседних квартирах, но вчера, когда я приехала, мне было не до встреч, да и сегодня я вообще не собиралась ни с кем ужинать, но уже случилось как случилось.

– Так она здесь работает, – Миша кивнул головой на служебный вход.

– Она мне говорила, что устроилась поваром, но я почему-то думала, что она о столовой или в баре на Садовой.

– Вы ещё близки? – спросил Миша, когда Сима поставила на наш стол две чашки и тарелку с данишем, пододвинув её ко мне. – Спасибо, Сима!

– Угощайтесь, – она подмигнула, погладив меня по плечу, и удалилась. Миша с энтузиазмом притянул к себе чашку какого-то очень ароматного чая, и так, методом исключения, я поняла, что Сима решила угостить меня кофе, который смотрел на меня кривым смайликом на пенке. Кофе я очень любила. Но был уже вечер, и мои проблемы со сном за это бы мне спасибо не сказали.

– Мы с Ленкой как общались, так и общаемся, – я легко пожала плечами, отодвигая от себя кофе. – Обычно тусовались всё время, пока я тут. Ну, с перерывами на её работу, конечно. Но знаешь, в этот раз, ну... Из-за бабушки я даже не подумала о том, будем ли мы проводить время.

– Понимаю, – Миша кивнул и, должно быть, заметив мою невдохновенную реакцию на кофе, притянул чашку себе. Чашку с чаем он придвинул ко мне. Я хотела было возразить, но он продолжал говорить, и я поняла, что отказы он слушать не намерен. – Не думаю, что она будет на это обижаться. Ну думаю, она точно завтра придет на похороны. Прости, если я давлю на больное.

– Нет, всё хорошо, – честно ответила я, – я в печали, но не в скорби. Нет ничего такого, что я бы хотела изменить. И даже не думаю, что хотела бы ещё что-то успеть. Это естественно, и поэтому не страшно. Просто грустно.

Повисла непродолжительная тишина. Миша, должно быть, силился придумать слова поддержки, но он, судя по всему, совсем не изменился и всё ещё делал это плохо. Чтобы разбавить обстановку, я надкусила даниш и, даже не успев прожевать, постаралась перевести тему.

– А что тут в целом щас интересного? Какие новости, какие сплетни? – обычно такие вещи рассказывала мне Ленка, но я знала, что они с Перескоком продолжали много времени проводить вместе, и я надеялась, что у неё получилось на него повлиять.

– Да ну какие тут новости, – Миша отмахнулся. – Я ж тут сам особо не жил с двадцать первого.

– Ну сейчас-то ты здесь. И не надо тут, ты приезжал на все каникулы и почти на все выходные, знаю я тебя, – я погрозила ему пальцем. В Мезени, разумеется, никаких ВУЗов не было. Даже ближайший колледж находился в пригороде Архангельска, до которого можно было доехать только на машине за пять с половиной часов. Поэтому студентов в учебное время в городе почти не бывало.

– Ладно-ладно, было такое, – Миша поднял руки, как бы изображая поражение, и посмеялся. – Ну когда я из СевМеда* приезжал, я, конечно, не особо успевал заметить изме-

нения. Я в основном ел и спал, – он усмехнулся, и я тоже не сдержала улыбку. – Ну, а сейчас я тут с лета, и на самом деле, в последнее время заметил что-то странное.

– Ну-ка, отсюда поподробнее, – я устроилась на стуле удобнее и протянула Мише кусочек даниша. Он принял его с радостью.

– Это вот чисто последние пара дней, но в городе как будто собралась какая-то концентрация жести, – Перескок усмехнулся, видимо, чтобы приуменьшить серьезность темы. – По всей Мезени у всех внезапно накатили всякие неудачи.

– Например?

– Ну вот например позавчера ночью Нахимов, ну который раньше физику преподавал, упал с крыши.

– Какой кошмар! – я со вздохом положила руку на грудь. – Как это он так? Он умер?

– Да уж, непонятно.

– Да. Потом на следующее утро началку закрыли на карантин. Там за утро просто оборвали телефон мамы, почти у всех детей вспышка кори.

– Мы ж тут вроде все привитые, нет? – я недоверчиво окинула взглядом людей в кафе.

– Да, большинство. Но вот в этом и дело! Дети заболели, но как мы потом поняли, только все, кто был не старше девяти лет, независимо от того, была прививка или нет. И наоборот, непривитые десятилетки чувствовали себя отлично

и до сих пор пока не поступало ни одной жалобы. Потом в этот же день вечером у Дьяченко разбилась машина, которую они недавно купили.

– А где они умудрились? Наверное, просто были пьяными.

– Неа, там обоих проверили. Они от друзей ехали, они тоже подтвердили. И льда ещё не было, они просто ехали, и вдруг их резко занесло в дерево. Гриша сказал, что как будто лось толкнул.

– Может и правда лось?

– Да нет, ну какой лось? Лось бы такую вмятину оставил и без дерева бы с машиной справился.

– Да уж, это всё, конечно, как-то странно. Жалко ребят. Такая какая-то неприятная череда совпадений.

– Это да, но это ещё только самые громкие. Ещё были всякие по мелочи. У кого-то хомяк умер, но это, честно, даже трудно назвать какой-то неожиданной неудачей, – Миша опять усмехнулся, – хотя факт остается фактом. У кого-то из моих коллег внезапный семейный разлад случился, были какие-то перебои с электросетями, и ещё небольшой пожар на свалке за Болотной. Ну и... Твоя бабушка...

– Да уж, – я тяжело выдохнула, – что-то у вас тут как-то совсем невесело стало. Чем же вы так не угодили и кому?

– Не знаю. Будем надеяться, что это был какой-то коллективный сбой в матрице.

Несмотря на не самые приятные истории мы всеёравно могли посмеяться. Миша рассказывал все эти страшные си-

туации так, будто это было для него просто в порядке вещей. Впрочем, мне действительно не следовало забывать, что он работал в больнице, и потому у него скорее всего уже выработался иммунитет.

– Что-то у нас все разговоры к чему-то грустному сводятся, – я улыбнулась, но почувствовала, что липкая неловкость снова начала разрастаться внутри меня. – Как будто мы совсем какие-то несчастные.

– Просто тут редко что-то происходит, – спокойно ответил Перескок, – поэтому даже такие новости для нас очень интересны. Но это ладно. Расскажи вот что, как вообще живет в Москве? Там же наверняка такие насыщенные должны быть дни.

– 'Насыщенные' – это слишком оптимистичный окрас слова 'бешенные', – я криво улыбнулась, но Миша не понял шутку. То есть, он конечно улыбнулся вместе со мной, но я как будто на каком-то интуитивном уровне ощущала в этом что-то неестественное. – Ритм просто атас, даже если ты ничего не делаешь, ты всё равно устаешь.

– Как ты отдыхаешь? – спросил Миша вовлеченно. – Одна? Или тебе легче отдыхается с людьми?

– Вообще я могу по-разному. Наверное, так: я от людей не устаю, но и в одиночестве иногда тоже здорово. На самом деле, хочется побольше общаться с кем-то моего возраста. Я же сейчас СММ-млю... СММ... шу? В общем, сейчас работаю с небольшим центром, где детские реабилитологи, и там

людям в основном за тридцать пять. Мама, конечно, иногда бывают почти мои ровесницы, но им, очевидно, не до дружбы.

– То есть, в Москве у тебя нет друзей? – Миша произнес слова с таким сочувствием, что я даже усомнилась в том, нормально ли это.

– Есть парочка с прошлой работы. И на этой вот есть коллега, Майя, ей всего тридцать один. Но чтобы были какие-то прямо супер близкие... Наверное скорее нет. Но у меня с мамой отношения отличные. Мы с ней же почти всё время вместе жили. А сейчас она то у меня, то у нового жениха.

– Ого, – Миша вскинул брови, хотя его голос остался спокойным. – Поздравляю. Что думаешь обо всем этом?

Я уже набрала дыхание на ответ, когда с кухни послышался легкий грохот, и дверь служебного помещения настежь распахнулась, с громким стуком ударившись об стул одного из посетителей.

– Аля! – с широченной улыбкой воскликнула тощая девчонка у двери и, игнорируя сетования посетителя, широким шагом направилась ко мне. Я тоже не смогла удержаться и резко поднялась со стула, чуть не опрокинув чашку с чаем, которую Миша учтиво придержал.

– Ленка!

Мы восторженно пробрались навстречу друг к другу и крепко обнялись. Ленка была как и всегда проста и улыбчива. Её прическа выглядела очень смешно, потому что растре-

паннные пряди торчали из-под сетки для волос, макияж уже был наполовину съеден (так как она всегда особенно любила подчёркивать губы), но глаза горели так ярко, что я почти прослезилась.

– Аля, как ты? – она спросила это с сочувствием, но её трепетное 'Аля' не дало мне снова упасть в печаль. – Соболезную тебе, солнце. Так жалко получилось.

– Всё хорошо, – мы больше не обнимались, но продолжали держаться за руки. – Я не в горе. И я рада быть здесь.

– А я-то как рада! – кажется, Ленка хотела сказать что-то ещё, но вдруг осеклась, глядя мне за спину. Я обернулась и поняла, что она смотрела на Мишу, который с доброй улыбкой за нами наблюдал. – Вот это да! – она развела руками, и ещё несколько посетителей покосилось на неё с раздражением, поэтому я поспешила её подвести к нашему столу, сокращая зону поражения. – Перескок, это как понимать? Как это так, что вы тусуетесь без меня, а мне никто, да хоть бы вы мне, блин, написали!

– Это случайно вышло, – Миша галантно встал, чтобы мы с Ленкой могли сесть. Он же остался стоять, опираясь на стул. – Мы говорили о тебе, честно-честно.

– Конечно мы говорили! – воскликнула я. – Я ж соскучилась по тебе, ты даже не представляешь как.

– Представляю, – сведя брови в уверенной ухмылке, Ленка кивнула. – Но меня к вам ненадолго совсем отпустили, у меня ж ещё смена.

– А когда ты освобождаешься? – спросил Миша.

– Ой, поздно очень. Так что сегодня меня не ждите. Но так, я два через два обычно, и вот как раз сейчас уже конец этих двух, и начинаются выходные два.

Ленка опять улыбнулась, и я почувствовала себя на своем месте. Мне было особенно приятно видеть, что между собой ребята также сумели сохранить дружбу. Сидя с ними втроем, я не чувствовала, что нужно было заново к ним привыкать, атмосфера сразу же стала такой, какой была и всегда.

Пока мы шли по набережной, самой светлой улице в такой час, мне было очень хорошо. Мы обсуждали всякое, говорили о книгах, о кино и даже немного о мечтах. С Мишей мне, как и всегда, было очень хорошо.

– А девушка у тебя есть? – спросила я и сама не поняла, зачем спросила. Несмотря на морозный ветер, после этого вопроса мне стало так стыдно и невыносимо жарко, что я приспустила шарф.

– Девушка да, была, – ещё до того, как Миша договорил, что-то в моей груди ухнуло куда-то вниз, – но сейчас уже нет. Просто мы недавно расстались.

– А, – облегчение окутало меня так мягко, что я забеспокоилась, а почему меня вообще это так заботило. – А что случилось?

– Да просто как-то разошлись пути, ничего такого. А почему ты спрашиваешь?

Иногда я поражалась наивности Перескока. С другой стороны, мне не хотелось, чтобы он подумал, будто снова мне интересен, ведь это было совсем не так. Просто тебе всегда особенно интересно узнать, как и с кем сейчас твой бывший.

– Просто интересно, – я сконфузилась. Мне не хотелось ставить Мишу в неловкое положение, но и отрицать, что соскучилась по нему, я тоже не могла. Мы виделись с ним реже, чем с Ленкой, и почти не переписывались. Мне не хотелось с ним прощаться, и поэтому, когда мы подошли к подъезду, я опять внезапно для себя выдала какую-то глупость. – Я когда собиралась только на свидание... Я коробки со шкафа уронила. Поможешь их поднять?

Плохо. Очень-очень плохо! Это звучало просто нелепо, но я и не вкладывала в эти слова ничего романтического. А получилось, словно я вкладывала, но делала это так неумело и смешно, что согласиться можно было разве что из жалости.

– Конечно, пойдем, – просто ответил Миша, должно быть, специально проигнорировав мою неловкость. Думаю, так он хотел проявить уважение, но я почувствовала себя ещё более неловко, чем прежде.

Мы поднялись ко мне в квартиру. Когда я открыла дверь, давая Мише возможность увидеть бардак внутри, мне тут же захотелось закрыть её обратно и, возможно, пару раз удариться об неё головой для надежности.

– Прости, тут очень грязно, – я опустила глаза, приглашая его войти.

– Всё в порядке, – Миша отмахнулся и оглядел рассыпанную по всему коридору мелочовку из коробок. – Не то что бы это сильно отличалось от того, как тут всё было, когда вы все тут жили.

– Пожалуй, – я повела плечами и прошла в квартиру за коробками. Сапоги я решила не снимать, и поэтому, когда я случайно пнула книгу, ту самую, что привлекла моё внимание до выхода, она проскользила по полу дальше, чем если бы я просто споткнулась об неё в носках.

На обратном пути, передавая коробки Мише, я проигнорировала другие разбросанные вещи и подняла книгу. Она была странной, ни то самодельной, ни то просто очень ветхой, некоторые страницы из неё торчали больше остальных, и были видны следы от чернил. Тёмно-зеленая кожа скрипнула под моими руками, когда я развернула её обложкой к себе.

– Ты не знаешь, что такое *'Чур, моя дума! Чур, в сем месте! Чур меня!'*?

– Чего? – Миша поднял голову, отвлекаясь от сбора бахла.

– Ну тут на книге это написано, – я потрясла книгой для наглядности и открыла на случайной странице, – я думала, название, но я такого... Ого...

В два шага Миша подошел ко мне со спины и заглянул в

книгу вместе со мной. На странице, которую я открыла, было изображено какое-то непонятное и страшное существо. Вроде бы это был человек или по крайней мере что-то похожее на человека. У него было худое тело, как будто всё состоящее из костей, хотя скелета видно не было. Носа тоже не было, только две кривые дырки, широко распахнутые полностью белые круглые глаза без зрачков и огромный, кривой растянутый рот. На соседней странице чернилами было написано непонятное 'БІРКА', и под этим – отпечатанный на машинке текст, видимо, об этом существе.

– Это что вообще такое? – спросил Миша негромко, как будто у него перехватило дыхание. Я продолжила листать страницы, и они все были заполнены похожими пугающими рисунками, печатным текстом и чернилами.

– Не знаю, – я бегло долистала до последних страниц. В конце текст был написан обычной чёрной ручкой, и буквы стали невнятными и прыгающими. – Что-то я ничего не понимаю. Это что ли дневник? Или какой-то блокнот с рассказами?

– Как-то не похоже, – Миша покачал головой, и мы замолчали, уставившись в книгу. Громкая вибрация телефона вдруг зажужжала так резко, что мы оба подпрыгнули. Это звонили Мише. Глядя, как меняется его лицо, пока он слушал человека на том конце провода, я понимала, что, кажется, череда неудач не заканчивается. – Конечно, могу быть минут через десять, – он убрал телефон в карман, спешно

добросал в коробки последние бусы и куски ткани и понес их к шкафу. – Алис, прости, мне надо убежать.

– Что-то случилось? – спросила я, как будто уже знала ответ.

– Да нет, опять какая-то травма походу, вроде ничего серьезного, но меня позвали на дежурство помочь. Так что я побегу. Ты главное не пугайся. Если вдруг что, звони мне или стучись к Ленке. Но по идее все нормально будет.

Я проводила Мишу. Обеспокоенным он не выглядел, и потому я решила, что и мне смысла переживать тоже не было. Мой взгляд снова опустился на книгу, которую я все ещё держала раскрытой в одной руке. Мне хотелось долистать её до конца, хотя мы и начали с середины. Чем ближе было к концу, тем более рваным и кривым становился почерк. Мне было трудно его разобрать, но где-то я ухватывала грамматические ошибки. Последняя страница была порвана, и где-то двух третей не доставало, хотя там тоже был какой-то текст. На нахзаце тоже что-то было, причем это явно должно было привлекать особое внимание. Пробежавшись глазами по тексту, я почувствовала, как пронизывающий холод сковал все моё тело, и вязкая тревога потекла вдоль моего позвоночника. В самом конце, прямо у обложки, на весь нахзац большими печатными толстыми буквами, как если бы ручкой водили туда-сюда по несколько раз, на меня смотрела надпись:

ОНО ВЕРНЕТСЯ. УВЕЗИ АЛЮ ИЗ ГОРОДА

ГЛАВА 3. МОЛИТВА ОТЦА ФЕОДОРА

Сказать, что в ту ночь мне совершенно не спалось, это, разумеется, не сказать абсолютно ничего. Я ответственно попыталась уснуть под телевизор, но стоило мне прикрыть глаза, как сразу же начинало казаться, что кто-то ходил по квартире. Незнание пугало меня намного больше реальной опасности. Пожалуй, в сумме за всю ночь я проспала минут семь. Это было невыносимо.

Похороны бабушки были назначены на позднее утро, и у меня хотя бы было время привести себя в порядок и отвлечься. Мне хотелось как следует обвариться в душе, но как только я включила воду, я снова почувствовала себя незащищенной. А вдруг кто-то пришел бы за мной, пока вода заглушала все шумы. Нет, жить в паранойе мне точно не хотелось, но и выход в таких сложных обстоятельствах при отсутствии какой-либо информации естественным образом не находился. Посидев на пожелтевшей узкой ванне ещё минут десять, я сумела придумать только одно временное решение.

Стуча в дверь соседней квартиры, я надеялась, что Ленка дома одна. Ленка жила с папой, но он работал вахтами, и мне было сложно угадать, кто же из них меня встретит. Чуть позже я начала надеяться, что мне хотя бы просто кто-

нибудь уже откроет. Стоять в подъезде спиной к своей незакрытой квартире мне становилось всё тревожнее, и я застучала сильнее. Наконец щелкнул замок.

– Ты че, Аль, – с порога осудила меня Ленка. Вид у неё был помятый: русые волосы растрепанны, голос вялый, глаза очень отекие. Я точно её разбудила. – У меня ж выходной, зачем так рано. Я бы и так к тебе пришла.

– Сейчас пол одиннадцатого, – учтиво напомнила я, оперевшись на дверь. – Похороны в двенадцать.

– Я знаю, – Ленка выглядела очень раздраженной, хотя и старалась смягчить тон. – Хорошо, всё, вот, я уже встала. Тебе нужна какая-то помощь?

Я взяла небольшую паузу, чтобы Ленка точно сосредоточилась на моих словах. Она пощурилась, я помешкалась, но затем с энтузиазмом посмотрела ей в глаза.

– Давай жить вместе? – мне показалось, что этот вопрос её совсем не удивил. Она лишь слегка склонила голову в бок, словно прицениваясь, и затем по её губам расплзлась та самая лучезарная улыбка.

– Я уж думала, ты не предложишь! – хохотнула она и впустила меня внутрь. Я прошла, оценивая обстановку на предмет изменений. – Я, конечно, часто к ЕленМарленне заходила, помогала убираться, но так-то там всё равно не очень удобно живется, скажи?

– Ага, есть такое, – кивнула я чуть отстраненно. Никаких признаков жизни папы Ленки я не нашла. – А что, бабушка

сама что ли не убиралась?

– Убиралась, конечно! – Ленка говорила со мной из подъезда. Она затаскивала мои вещи к себе на порог, благо, я их особенно и не разбираю и просто оставила в коридоре. – Но она частенько уезжала во что-то типа походов, ну либо может просто путешествовала. Я уже запуталась-то. Ну вот, и она мне ключ давала, чтобы я поливала её эти... Ну такие, вонючие...

– Герани, – подсказала я, выбирая в Ленкином шкафу себе домашнюю одежду.

– Да, герани, точно. Ну и я заодно так, легкий порядок наводила. Ну чтобы ей возвращаться было радостнее. Но это всё равно ж не генеральные уборки. Там такой слой пыли, где-то просто не ототрешь.

Я взглянула на Ленку, которая уже закрывала входную дверь. Мне вдруг стало одновременно тоскливо и очень уютно. Раньше я как-то не задумывалась, сколько всего для меня делала Ленка просто потому что хотела. Она не ждала, пока попросят, не уточняла. Она просто тихо помогала. Я окликнула её, и она остановилась в проходе.

– Спасибо тебе большое, – я смогла выдавить из себя только эти слова, но было видно, что Ленка поняла всё: спасибо за дружбу, спасибо за радостный дух, за безусловную поддержку, за всю эту неозвученную помощь, за то, что она оставалась рядом с моей бабушкой, когда я – нет. Слезы опять встали у меня перед глазами, и хотя я смогла не уронить ни

одной слезинки, по мне было видно, что я была растрогана. Не знаю, заметила ли это Ленка. Большим вниманием к человеческим чувствам она не отличалась. По крайней мере, если она и заметила, то не подала вид.

– Я планирую завтракать йогуртом, и ещё у меня пельмени жаренные со вчера остались. Ты будешь?

Моя бабушка, в отличии от меня, была совершенно не верующим человеком. Суеверным – очень даже. Но всего, что касалось религии, бабушка предпочитала сторониться. Она не была крещена, в её квартире не было икон, и вообще как-то у нас разговоры на эту тему никогда не клеились. Я думала, что она бы не хотела быть похороненной по традициям, и мы оставили только часть с её погребением. Люди в Мезени очень любили бабушку, и потому озаботились некоторыми формальностями ещё до моего приезда. За те полтора дня, что я сама была в городе, мы успели договориться с соседями, чтобы они отнесли гроб, с батюшкой о точном времени, и, конечно, я со всеми расплатилась.

Договор был такой, что к двенадцати часам всем нужно было собраться у могилы. Раньше не было смысла приходить даже мне, да я и не особенно хотела наблюдать, как Толя Фомин и дядя Гриша несли бы мою бабушку по пустырю на краю города. Всё же мы с Ленкой шли немного заранее, что-

бы убедиться, что всё готово. На самом деле, в первую очередь я торопилась, чтобы ещё раз до похорон успеть поговорить с батюшкой.

Вчера я заходила в часовню Покрова Пресвятой Богородицы. В Мезени было целых три церкви, но в часовне мне нравилось больше всего. Это была настолько маленькая и непримечательная деревянная избушка, что она не всегда отображалась на картах. Она стояла в дальнем районе без достопримечательностей, и приход в ней был совсем небольшой: в основном приходили отпевать, чтоб сразу поближе к кладбищу, а на исповедь, пожалуй, кроме себя я никого и не могла вспомнить. Сколько я себя помнила, в часовне всегда был один и тот же батюшка. Отец Феодор, к которому я обращалась просто как к Фёдору Ренатовичу, отпускал мои грехи каждый раз, когда я приезжала в город, молился за меня и обычно угощал овсяным печеньем. Хотя бабушка и не верила во всё это, я очень хотела, чтобы отец Феодор за неё помолился.

Когда мы с Ленкой, покрытые тёмными шерстяными платками, пришли на кладбище, там были только два соседа и гроб. В целом, это означало, что всё уже готово. Краем уха я слышала, как Ленка начала всхлипывать. Я хотела её поддержать, но не находила слов.

– Сходи пока к батюшке, – вдруг сказала она, положив мне руку на плечо. – Я с Толей и дядей Гришей щас поговорю, убедюсь... Убежусь... Удостоверюсь, что всё в порядке.

Такое предложение пришлось мне по душе. Отправив Ленку, я задержалась постоять на холодном воздухе в холодном по сердцу месте. Мне очень захотелось закрыть глаза и просто послушать тихий шум вокруг. Птицы уже почти не пели, остались только голуби да вороны. Отголосков детского смеха тоже не было, ведь все болели корью. Велосипеды не проезжали. Листья не шуршали. Было очень тихо.

Протяжный скрип сбил меня с меланхолического настроения. Я дернулась и оглянулась на часовню, располагавшуюся за моей спиной. На пороге стоял батюшка Фёдор и говорил с кем-то, кто ещё оставался внутри. Заметив меня, он помахал и, мягко продемонстрировав, что разговор окончен, направился в мою сторону. Вслед за ним из часовни наконец выглянул второй человек. Я не смогла его узнать. Он был молод, но я не припоминала, чтобы когда-то видела его в школе, а гостей в такие недружелюбные месяцы мы обычно не ждали.

– Ну что, чадо? – отец Феодор подошел ко мне чуть ближе, чем было бы комфортно, но на самом деле мне действительно хотелось, чтобы кто-то побыл рядом. А может, и не хотелось, может быть я вообще хотела быть одна. Меня бросало от одного желания к другому, но в тот момент я была рада постоять рядом с батюшкой.

– Всё нормально, Фёдор Ренатович, – я поежилась. Всё-таки в одном платке уши ощутимо подмерзли. – Думаю, что не буду плакать. И спасибо Вам, что... Ну, что согласились помолиться, хотя она и не крещеная.

– *'Исповедайте убо друг другу согрешения и молитесь друг за друга, яко да исцелеете: много бо может молитва праведнаго поспешествуема'*, – провозгласил батюшка себе под нос. – Молитвы праведных многое могут, Алиса. Я пойду встречать людей, а ты постой да помолись.

И он пошел от меня, медленно раскрывая руки для людей, пришедших проститься. В основном это были пожилые женщины и мужчины, но были и молодые семьи с детками, которым, должно быть, бабушка помогала советами.

Пришла парочка моих прежних учителей, Вавлик со своей Елей и вся семья Перескоковых. Оглядывая их всех, я зацепила глазами Ленку. Она выглядела потерянной, и мне подумалось, что она хотела бы прийти сюда с папой. Возможно, она переживала, что его отсутствие я расценю как неуважение, но я знала их всю жизнь и совсем не обижалась. Моя мама ведь тоже не приехала.

Мне хотелось сделать так, как наказал батюшка, поэтому отвернулась от происходящего, чтобы просто посозерцать природу, пока я буду пытаться читать молитву. Незнакомый мне молодой человек всё так же стоял на пороге часовни и внимательно меня разглядывал. Возможно, я и правда тем днём выглядела хорошо, но в такой ситуации это внимание мне не льстило, а скорее раздражало. Я прикрыла глаза.

– Отче наш, – начала я шепотом, – иже на небесех, да святится имя Твоё; да... Да придет Царствие Твоё... – правильные слова с большим трудом ворочались в моей голо-

ве, но я старалась продолжать. – Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли, и... И прости... Нет, это потом... И дай хлеб...

Спокойнее от молитвы мне не стало, и я раздраженно порычала себе под нос.

– Ладно. Отче мой, я думаю, что Ты и так, наверное, меня слушаешь. Я не знаю каких-то правильных молитв за упокой, но хочу попросить Тебя за бабушку. За Новак Елену Марленовну, если быть точной, – когда я молилась своими словами, мне становилось легче. Как будто именно в этот момент я по-настоящему говорила с Богом. Всё же, мне хотелось, чтобы Он ну точно понял, о ком я говорила. – Точнее, сейчас она Новикова была. В общем, за неё я хочу Тебя просить. Наверное, она никогда с Тобой не говорила, но... Вдруг ты отпустишь ей грехи и неверие. Не знаю, как это работает, но мне так хочется, чтобы бабушка попала в Рай... Если он есть, я не знаю. Пожалуйста, Отче, упокой её с миром, и... Да в принципе и всё. Так что слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Эта молитва, как мне показалось, была самой честной и живой из последних. Я не могла сказать, что делала это часто, но всё же старалась помнить об этом хотя бы раз в неделю. Теперь же, поговорив с Богом вот так вот просто, я почувствовала стекающую по щеке слезу. Реветь мне не хотелось, но и сдержаться от этой искренности я не могла. Это был чудесный момент, и мне не хотелось его прерывать.

Но жизнь – штука злорадная, и из трогательных чувств меня резко выдернул звук фотоаппарата. В Москве я слышала его частенько, так как винтажная пленка набирала популярность. Характерный щелчок и шумная намотка пленки сбили меня, заставив открыть глаза. Раздражение мгновенно вернулось ко мне, когда я увидела, как незнакомец с часовни фотографировал меня. Он, я была в этом уверена, понимал, что я находилась в трауре или даже просто глубоко в себе, но он не остановился, даже когда с осуждением взглянула на него. Мы постояли несколько секунд, тупо пялясь друг на друга, а затем он возымел наглость сделать ещё один снимок.

– Какого хрена, эй! – возмутилась я, привлекая внимание других людей. – Иди куда шел. Тут похороны. Если хочешь 'половить вайбики старого кладбища', – я изобразила кавычки и протянула это чрезмерно неприятным голосом, – вперёд! Только имей уважение, не мешайся.

Незнакомец спустился с часовни и подошел ко мне почти вплотную. Мне подумалось, что сейчас бы он извинился. Да, возможно гордо или сально, но извинился. Мне пришлось приподнять голову, чтобы продолжать осуждающе на него смотреть, потому что это оказался достаточно высокий человек. Он сверкнул хитрыми серо-зелеными глазами и тряхнул головой, убирая с лица пряди иссиня-чёрных волос. Незнакомец он не оправдал моих благих надежд и, оценивающе оглядев меня с головы до ног, только лишь легко усмехнулся, подмигнул мне и пошел на выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.